

ЧЕРВЯК

Хронология значений слова *червяк*

Значение и пример	Период использования			
<p>‘Маленькое беспозвоночное животное’</p> <p>В тоненькую стеклянную трубочку втянутое семя какого-нибудь животного показывает великое число червяков, которых прежде усмотрел Левенгук, также Гартсукер и Гугений оных видели... [М.В. Ломоносов. Волфианская экспериментальная физика, с немецкого подлинника на латинском языке сокращенная (1745)]</p>	1740-е гг.			
<p>‘Ничтожное создание’</p> <p>Так-то святые себя унижают пред Богом, а мы бедные червяки, мы nocturnal нетопыри станем пицциться, и величатся? [Архиепископ Платон (Лёвшин). Нравоучение третье (1757)]</p>	1750-е гг.			
<p>‘Внутренний паразит’</p> <p>Между тем как чернь дивилась счастью временивика, червяк точил его сердце: гордость его сильно страдала от дерзкого, неугомонного характера Волынского. [И.И. Лажечников. Ледяной дом (1835)]</p>	1830-е гг.			
<p>‘Техническое приспособление’</p> <p>Самоиндукция катушки изменяется путем вращения ручки винтообразного червяка, скользящего по виткам проволоки, защищенной по линии касания червяка с витками катушки. [Радио всем (1927. № 2)]</p>	1920-е гг.			

1. История вкратце

Сомневаетесь в существовании *литературного червяка*? Зря, такие бывают. А еще встречаются *червяки злословия, сомнения, ревности, тщеславия, голода* и даже *научного анализа*. Червяк — философский антипод человека, его совесть, жертва и спутник в последнем пути. Он внушает отвращение и жалость, страх и потребность задуматься над тщетностью жизни:

*И мир повернется
Другой стороной,
И в тело вопьется
Червяк гробовой.*

[Н.М. Олейников. Чревоугодие (1932)]

Слово *червяк* никогда не было особенно частым: и в XVIII, и в XIX, и в XX веках оно уступает по использованию в письменных текстах своему ближайшему родственнику *червь*, да и абсолютная частотность слова сравнительно не велика. Как видно из графика (см. рис. 1), частотность употребления слова на протяжении XVIII–XX веков оставалась практически на одном уровне — 5,5–6 слов на 1 млн словоформ.

Самым популярным значением слова *червяк* на протяжении двух с половиной столетий было и остается значение ‘маленькое беспозвоночное животное’, которое встречается человеку в саду, на пашне, в яблоке и протухшем мясе, на асфальте после дождя и на крючке во время рыбалки.

Наше сегодняшнее зоологическое представление о червяках не вполне совпадает с бытовым сознанием людей XIX века. Например, существо, которое названо *червяком* у С.Т. Аксакова, сегодня мы назвали бы *гусеницей*:

Муравьи, пчелы и особенно бабочки с своими превращениями из яичек в червяка, из червяка в хризалиду и, наконец, из хризалиды в красивую бабочку — овладели моим вниманием и сочувствием... [С.Т. Аксаков. Детские годы Багрова-внука, служащие продолжением семейной хроники (1858)]

Однако история *червяка* не сводится к истории зоологического зрения человека. С самых первых корпусных текстов *червяк* предстает важным персонажем религиозных, философских и нра-

воучительных текстов. Его малость, низость и мерзость оказывается поводом задуматься о себе и о своем месте в мире.

Психологический XIX век помещает *червяка* внутрь человека: гложащий душу и сердце внутренний паразит не дает покоя и толкает на неожиданные поступки:

...В душе всегда сидит *червяк*, который точит и сосет. [Вс.М. Гаршин. Ночь (1880)]

Таким образом, история слова *червяк* включает в себя два относительно самостоятельных сюжета. Первый, так сказать, биологический: о том, каким увидело маленькую извивающуюся тварь бытовое и научное сознание эпохи. Второй — метафорический, с которым связали *червяка* религия, философия и литература.

Распределение по годам (частота на миллион словоформ)

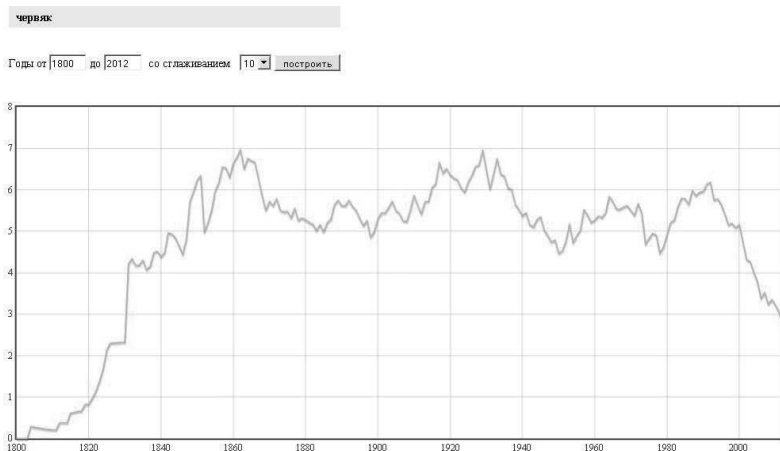

Рис. 1. Частотность употреблению слова *червяк*; НКРЯ, 1800–2000 гг. (в *врт*)

2. По данным словарей

Существительное *червяк* является производным от слова *червь*, и в целом, согласно Корпусу, оба слова развиваются похожим путем. Поскольку *червяк* появился позже *червя*, мы начнем с обсуждения слова *червь*. М. Фасмер в «Этимологическом словаре русского языка» считает его однокоренным с древнерусским

словом *чървь* — красная краска (вспомним *червонное золото*, то есть золото с оттенком красного, и *червонного туза*). Вероятный путь развития связан с *червячком* кошенилью, из которого делают красную краску.

В первом издании «Словаря Академии Российской» [1789–1794] слово *червяк* содержится в статье «Червь» как уменьшительное. *Червю* дано длинное определение, которое хотя и не соответствует сегодняшнему представлению зоологов, но достаточно отчетливо отличает *червей* от гусениц на основании их неспособности к «превращению»:

Червь — животное самое простейшее, развитием тела от насекомых отличается тем, что **никакому не бывают подвержены превращению** [Выделено нами. — Н. Д., Е. Т.]. При том на месте потерянной части могут выращивать новую. Вместо усиков имеют щупальца, которые могут выпускать и втягивать. Передвигаются сжиманием всего тела и растягивание оно. Живут в сырых местах и водах, как пресных, так и морских. [Словарь Академии Российской, т. IV, 1794, с. 696].

Напомним, что в это же самое время ненаучные тексты активно используют слово *червяк* для обозначения гусеницы.

«Словарь церковнославянского и русского языка» [1847] выделяет два значения для слова *червяк* (объединяющих его со словом *чървь*): (1) ‘животное, продолговатое, мягкотелое, кольчатое и не имеющее костей’; (2) ‘насекомое в первом периоде развития своей жизни, то есть в состоянии личинки’. Тем самым словарь середины XIX века узаконил существующее в письменных ненаучных текстах смешение *червяка* и *гусеницы*.

Метафорические употребления *червяка* в словари XVIII–XIX веков не попадали. В XX веке из многочисленных переносных значений в «Толковый словарь русского языка» С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой вошло только одно — ‘жалкий ничтожный человек’ (далеко не самое частое в XX веке).

3. Обзор значений и типичных контекстов

- ‘Маленькое беспозвоночное животное, в том числе и гусеница’:

Но какое превращение: вместо червяка является бабочка, простирает блестящие всеми цветами лучей солнечных крылья, возносит-

ся и, гнушаяся прежняя своя пища, питается нежнейшею. [А.Н. Радищев. О человеке, о его смертности и бессмертии (1792–1796)]

...Сказал Костяков, глядя на удочку, — вишь, как **червяка-то** схватила: большой окунь должен быть. [И.А. Гончаров. Обыкновенная история (1847)]

В сентябре, будучи уже костромским помпадуром, получил я от капитан-исправника донесение, что в Нерехотском уезде появилась необыкновенной величины **червяк**, который поедает озимь, сию надежду будущего урожая... [М.Е. Салтыков-Щедрин. Помпадур и помпадурши (1863–1874)]

• Для обозначения человека, ощущающего свое ничтожество:

Что значат смерть и страдания **такого ничтожного червяка**, как я, в сравнении с столькими смертями и столькими страданиями? [Л.Н. Толстой. Севастополь в декабре месяце (1855)]

• ‘Паразит, обитающий в душе человека’:

Бывают мгновенья, когда в душе падшего человека вдруг ни с того ни с сего закопошится какой-то **червяк**, засосет, заглохнет, забеспокоится. Этот **червяк**, в подобные мгновенья, как будто высасывает всю дрянь, весь гной, всю накипь из души человеческой. [В.В. Крестовский. Петербургские трущобы. Книга о сытых и голодных. Ч. VI (1867)]

• Другие метафоры и сравнения:

Время (дело известное) летит иногда птицей, иногда **ползет червяком**... [И.С. Тургенев. Отцы и дети (1862)]

Смерть всегда будет смертью, но умереть среди близких и любящих, или валяясь в грязи и собственной крови, ожидая, что вот-вот придут и добьют, или наедут пушки и раздавят, как **червяка**... [Вс.М. Гаршин. Трус (1879)]

Все было примитивно, как в старом кино: дурочка клюнула на лубовь, как **рыбка на червяка**. [Н.И. Гаген-Торн. Memoria (1936–1979)]

• Как техническое приспособление:

Осуществляется это следующим образом. На обойму объектива надевают и закрепляют **червячное** колесо. В левой стенке бокса делают отверстие для сальника, в которое вставляют валик с **червячной** или винтовой нарезкой и рукояткой. При установке кино-

аппарата в боксе надо следить за тем, чтобы червячное колесо и **червяк** вошли в зацепление. [Снаряжение спортсмена-подводника (1962. № 1)]

4. Вся история

4.1. XVIII век

Корпусная история слова *червяк* в XVIII веке небогата. В Корпусе на этот период приходится всего 12 контекстов, однако на этих примерах хорошо наблюдать развитие одного из метафорических употреблений.

Помимо прямого значения ‘маленькое животное’, особую роль в XVIII веке играет переносное — ‘ничтожное создание’. Связано это прежде всего с преобладанием религиозных и нравоучительных текстов, которые заимствуют параллель «*червяк* — человек» из Библии. Нагляден приведенный в начальной диаграмме пример из текста архиепископа Платона:

Так-то святые себя унижают пред Богом, а мы бедные червяки, мы nocturnal netopyri станем пиццаться, и величаться? [Архиепископ Платон (Лёвшин). Нравоучение третье (1757)]

Контексты такого рода отличаются несколькими чертами: во-первых, *червяком* называют именно человека; во-вторых, зачастую присутствует антитеза «Бог — человек — *червяк*»; в-третьих, характерно дополнительное усиление: люди не просто *червяки*, но еще и *бедные*, *самые ничтожные*, *очень ничтожные червяки*.

Откуда вообще взялось противопоставление «Бог — человек — *червяк*»? Одно из самых знаменитых в русской литературе соположений Бога, человека и *червя* принадлежит Г.Р. Державину. Масштаб человеческой личности задается антитезами *Бог — червь* и *царь — раб*:

*И цепь существ связал всех мной.
Я связь миров, повсюду суищих,
Я крайня степень вешества;
Я средоточие живущих,
Черта начальна Божества;
Я телом в прахе истлеваю,
Умом громам повелеваю;
Я царь, — я раб, — я червь, — я Бог!*

[Г.Р. Державин. Бог (1784)]

Источник метафоры — Ветхий Завет:

*Тем менее человек, [который] есть **червь**, и сын человеческий, [который] есть моль (Иов 25:6)¹.*

*Я же **червь**, а не человек, поношение у людей и презрение в народе. (Пс. 21)*

Таким образом, аналогия «человек — червяк — ничтожное создание» имеет глубокие корни и своим происхождением обязано еще Библии. Метафора перекочевала сначала в религиозные и нравоучительные, а затем и в светские тексты. Какие изменения испытал этот сюжет, увидим далее.

4.2. Первая и вторая трети XIX столетия (1801–1860)

На первую треть XIX века в Корпусе приходится всего лишь три контекста слова *червяк*, поэтому первая и вторая треть будут рассмотрены вместе (всего 66 примеров).

Самым популярным значением является, так сказать, зоологическое. При этом одно из главных мест встречи человека с червяком — рыбалка:

*Для того чтобы мне понравиться, он изобрел прескучную вещь: мы по целым суткам удим рыбу, и исправник надевает своими руками живых **червяков** на крючки. [В.А. Вонлярлярский. Ночь на 28-е сентября (1852)]*

Червяки ожидают людей в полях и в садах:

*После завтрака у Мейера, испортившего нам обед, пошли бродить по полям и саду, выкапывали **червяков** из озими... [А.В. Дружинин. Дневник (1845. 12 сентября)]*

Однако не все то, что в тексте первой половины XIX века будет названо *червяком*, соответствует нашим сегодняшним представлениям о зоологии. Толстовская героиня наверняка повстречала гусеницу:

*Представляя, что она рвет с дерева какие-то американские фрукты, Любочка сорвала на одном листке огромной величины **червяка**,*

¹ Здесь и далее цитаты из Священного Писания приводятся по синодальному переводу (1816–1862): <<http://rusbible.ru/>> (последнее обращение 27 апреля 2015).

с ужасом бросила его на землю, подняла руки кверху и отскочила, как будто боясь, чтобы из него не брызнуло чего-нибудь. [Л.Н. Толстой. Детство (1852)]

Вообще круг живых существ, попадавших в разряд **червяков**, был значительно шире сегодняшнего. **Червяк** мог светиться фосфорическим блеском:

*Светящиеся **червячки** прельщали нас своим **фосфорическим блеском** (о фосфорическом блеске я знал также из «Детского чтения»), мы ловили их и держали в ящиках или бумажных коробочках, положи жив туда разных трав и цветов.* [С.Т. Аксаков. Детские годы Багрова-внука... (1858)]

Мог также испускать шелковые нити:

*Не знаю, одушевлялся ли он, когда писал свои прекрасные басни, или они рождались из его ума наподобие шелковых нитей, которые **червяк** бессознательно испускает и мотает вокруг себя.* [А.В. Никитенко. Дневник. Т. I (1835. 9 января)]

Или плести кокон:

*С середины потолка висела люстра в холстинном мешке, от пыли сделавшаяся похожей на шелковый кокон, в котором сидит **червяк**.* [Н.В. Гоголь. Мертвые души (1842)]

А еще **червяк** сбрасывал куколку:

*Для того чтобы снять с человека форму суеверия, избави Бог на нее действовать прямо, как разбить куколку червяка и оставить его голого; а надо кормить **червяка**, чтобы он вырос из куколки, и сам сбросил ее, когда он уже бабочка.* [Л.Н. Толстой. Записные книжки (1856. 3 декабря)]

Универсальный червяк XIX века соответствует нашим сегодняшним контекстам с *гусеницей*, *светлячком* (одно из названий которого было *Иванов червяк*: считалось, что светлячки появляются после дня Ивана Купалы) или *шелкопрядом*. *Гусеница* вообще обнаруживается в Корпусе значительно позже, чем *червяк*: первое вхождение в 1831 г., в достаточно специальном тексте из «Земледельческого журнала», а следующее — уже в 1860-х годах.

*После сего ежедневно осматривать растения и истреблять **гусениц**, обыкновенно нападающих на оные.* [Земледельческий журнал (1831. № 1)]

В целом, если рассматривать частотность употребления этих двух слов, надо отметить, что *червяк* на протяжении всего XIX века опережал *гусеницу* с довольно большим отрывом (см. рис. 2).

Распределение по годам (частота на миллион словоформ)

Слова или сочетания слов, через запятую: червяк, гусеница

Годы с 1800 по 2010 со сглаживанием 10

построить

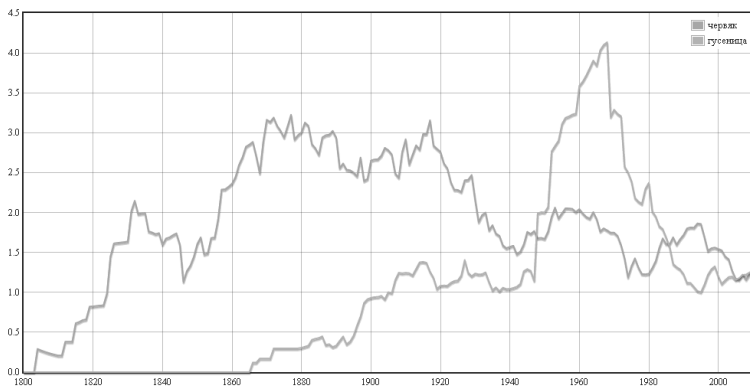

Рис. 2. Частотность употребления слов *червяк* и *гусеница* в именительном падеже единственного числа; НКРЯ, 1800–2000 гг. (в *врт*)

Особое литературное явление — *могильный червяк (червь)*. В романе А.А. Бестужева-Марлинского «Вадимов» *могильный червяк* символизирует близость смерти героя. Он не имеет никаких физических характеристик — автор не сообщает ни его размеров, ни цвета, ни формы:

И эта рука, для которой тяжкая сабля была легка как перо, которою становил я на колена буйвола, — через день не в силах будет сбросить могильного червяка. [А.А. Бестужев-Марлинский. Вадимов (1834)]

Близкий родственник *могильного червяка* — *гробовой червяк*:

*Только и слышны были заказ сапогов, или торг, или расчеты, да тук-тук молотком, и опять все тот же тук-тук, как стук **гробового червяка**.* [И.И. Лажечников. Последний Новик (1833)]

Но есть и переносы другого типа, которые построены на реальных впечатлениях человека от встреч с *червяком*. Они развива-

ют некоторые свойства его внешнего облика и строения. Например, отмечается, что он ползает:

Есть улыбка — но она ползает как червяк по окостеневшим устам.
[А.А. Бестужев-Марлинский. Он был убит (1835–1836)]

Червяк бледен:

Странное дело, — думает он, глотая свежую воду: — этот ребенок так тощ и бледен, как мучной червяк, посаженный на пробку.
[Н.С. Лесков. Некуда (1864)]

Тема «человек — ничтожный червяк», поднятая в XVIII веке, подхвачена Л.Н. Толстым:

Что значат смерть и страдания такого ничтожного червяка, как я, в сравнении с столькими смертями и столькими страданиями?
[Л.Н. Толстой. Севастополь в декабре месяце (1855)]

Вредоносность мелкого и неприглядного червяка, его способность незаметно уничтожить живой организм, внутри которого он находится, порождают переносное значение разрушителя человеческой личности, причины мрачных мыслей и тяжелых переживаний человека. Это его амплу сыграт важную роль в психологической прозе второй половины XIX века. Местонахождение такого червяка, как правило, сердце человека.

Между тем как чернь дивилась счастью временичка, червяк точил его сердце: гордость его сильно страдала от дерзкого, неугомонного характера Волынского. [И.И. Лажечников. Ледяной дом (1835)]

Общее у всех этих господ: во-первых, «червяк», во-вторых, то, что на «жизненном пире» для них не случилось места, и, в-третьих, необыкновенная размашистость натуры. Но главное — червяк. Этот глупый червяк причиною тому, что наши Печорины слоняются из угла в угол, не зная, куда приклонить голову... Молодой человек, напротив того, начинает уже смутно понимать, что вокруг его есть что-то неладное, разрозненное, неклеящееся; он видит себя в странном противоречии со всем окружающим, он хочет протестовать против этого, но, не обладая никакими живыми началами, необходимыми для примирения, остается при одном зубоскальстве или псевдотрагическом негодовании. Коли хотите, тут и действительно есть червяк, но о свойствах и родоисхождении его до сих пор не преподавали еще ни в одном университете... [М.Е. Салтыков-Щедрин. Губернские очерки (1856–1857)]

4.3. Последняя треть XIX века

Последняя треть XIX века внесла в жизнь *червяка* большие перемены. Во-первых, из маленького безобидного создания он превратился в настоящий бич сельскохозяйственных культур. В этой функции слово *червяк* приобретает значение стихийного явления и употребляется в форме единственного числа, хотя подразумевается великое множество животных. Переписка 1870–1880-х годов (а особенно письма П.И. Чайковского и А.Н. Энгельгардта) изобилует жалобами на *червя*, пожравшего весь урожай:

Червяк пожирает наш лен, а начальство смотрит, никаких мер не принимает. [А.Н. Энгельгардт. Письмо первое (1879)]

Однако главная история *червяка* последней трети XIX века — метафорическая. Он досаждал людям как внутренний паразит. *Червяк* заводится в голове, в душе или в сердце:

Сейчас у нее в сердце или там где, не знаю, червяк заводится... [И.Н. Потапенко. Не герой (1891)]

И вершит свою разрушительную работу:

Старик мог совершенно удовольствоваться этим именем, но у него был червяк, не дававший ему никакого покоя. [Н.С. Лесков. Кувыркы (1863)]

Червяк умеет точить, сосать, грызть и глотать:

Говоришь горячо, как будто искренно, а в душе всегда сидит червяк, который точит и сосет. [Вс.М. Гаршин. Ночь (1880)]

Хоть внутри немножко и грыз ее червяк при невольной мысли о том, что на какие же деньги она будет кушать потом. [А.Ф. Писемский. Масоны (1880)]

Но иной раз сомнения мучат, червяк какой-то гложет, особенно когда подвыпьет. [Ф.Д. Крюков. Казачка // Русское Богатство (1896. № 10)]

Каково происхождение метафоры внутреннего *червяка*? Одно из возможных объяснений — знание о существовании аскарид, реальных паразитических червей. Хотя некоторые контексты показывают, что метафора имеет сельскохозяйственное происхождение. Так, героиню Лескова сердечный *червяк* съел под корень:

Сама свадьба Глафиры, несмотря на всю ее пышность, не пророчила молодым никакого счастья. Невесту **сердечный червяк** доедал под корень. Увидав, как сестра ласково чокнулась надпитым бокалом с ее мужем и ласково пожелала обeim им счастья, Глаша не выдержала и заплакала. [Н.С. Лесков. Чающие движения воды (1867)]

Червяк не всегда исключительно «отрицательный герой»: наличие его может иметь и положительные последствия, если это червяк совести или, как у Л. Толстого, внутренний голос, не дающий человеку успокоиться; функция его может быть очистительной:

Этот **червяк**, в подобные мгновенья, как будто высасывает всю дрянь, весь гной, всю накипь из души человеческой, как будто он очищает ее, возвращая к той счастливой, почти детской поре, когда она еще была чиста и человечна. Этот **червяк** называется совестью. [В.В. Крестовский. Петербургские трущобы. Книга о сытых и голодных. Ч. VI (1867)]

— Я должна быть довольна — и довольна. Но есть **червяк**, который просыпается... — И ему не надо давать засыпать, надо верить этому голосу, — сказал Нехлюдов, совершенно поддавшись ее обману. [Л.Н. Толстой. Воскресение (1899)]

Порой, впрочем, внутренний червяк берет на себя более конкретные функции:

Такая на него тоска напала, что хоть руки на себя наложить. Сосет его за сердце **винный червяк**. За стакан водки руку на отсечение бы с радостью отдал. [П.И. Мельников-Печерский. В лесах. Кн. I (1871–1874)]

Но ни в первый, ни во второй мой приезд из Казани при большом потреблении беллетристики во мне не начинал шевелиться **литературный червяк**. [П.Д. Боборыкин. Воспоминания (1906–1913)]

Психологическая проза второй половины XIX века, и особенно И.С. Тургенев, Л.Н. Толстой и Ф.М. Достоевский, использовала метафорические смыслы червяка вовсю. Так, например, в текстах Достоевского, представленных в Корпусе, червяк встречается 9 раз, и ни разу он не употреблен в своем прямом зоологическом значении. Достоевского больше интересует человек-червяк:

— ...Вы предводитель, вы солнце, а я ваш **червяк**...

[Ф.М. Достоевский. Бесы (1871–1872)]

Метафора ничтожности человека-червяка переживает в то время пик своего развития. По сравнению с XVIII веком она претерпела некоторые изменения. Теперь аналогия «человек — червяк» употребляется не по отношению к людям вообще, а по отношению к конкретным лицам. Чаще всего, естественно, по отношению к себе, в столь любимых русской прозой ситуациях самоуничтожения:

— ...Убили вы во мне веру-то! Всё убили! Был я орлом — и **червяком** для вас сделался... А вы — и **червяка** давить? Полно! Я тебя любил, сама знаешь, — а только теперь ты мне не дочь и я тебе не отец... Я пропащий человек!

[И.С. Тургенев. Степной король Лир (1870)]

Продолжают метафоризироваться физические свойства **червяка**:

Время (дело известное) летит иногда птицей, иногда **ползет червяком**. [И.С. Тургенев. Отцы и дети (1862)]

Такой... **как червяк, все извивался** предо мной. [Максим Горький. Старуха Изергиль (1895)]

Появляется и новая ассоциация — легкость и незаметность смерти, неценность жизни:

Червяк, раздавленный и растертый ногою, — вот положение старого князя, в каком он почувствовал себя после слов своей новой супруги. [В.В. Крестовский. Петербургские трущобы. Книга о сытых и голодных. Ч. VI (1867)]

Смерть всегда будет смертью, но умереть среди близких и любящих, или валяясь в грязи и собственной крови, ожидая, что вот-вот придут и добьют, или наедут пушки и раздавят, как **червяка**... [Вс.М. Гаршин. Трус (1879)]

Особенно часто метафора «**червяк** — смерть» будет встречаться во второй половине XX века, с появлением большого количества текстов о войне.

4.4. Первая половина XX столетия

Именно в начале XX века окончательно формируются направления метафоризации **червяка**. Помимо уже выделенных выше, раз-

виваются две новые ассоциации: *червяк* как приманка (связана с рыбалкой) и *червяк* как прожорливая тварь (производна от вредного сельскохозяйственного паразита):

— В каждой губернии на бабу свой **червяк**, как на рыбу.
[В.В. Иванов. Голубые пески (1923)]

— ...И ты уже растешь в своих глазах, как **червяк** на падали!
[М.П. Арцыбашев. Санин (1902)]

В целом XX век не приносит особенно больших изменений в размеренно ползущую жизнь *червяка*. В качестве единственного исключения, пожалуй, стоит упомянуть несколько иное соотношение частотности всех значений.

Так, например, очень актуальные в предыдущем столетии сюжеты «*червяк* — ничтожное создание» и «*червяк* — внутренний паразит» отходят на второй план, сдавая свои позиции иным направлениям развития метафоры. Возможно, это связано с тем, что библейские мотивы постепенно отступают: тексты забываются, да и вообще начало XX столетия — не самое благодатное время для распространения в России религиозных мотивов. Новыми направлениями литературы вытесняется и психологическая проза, много размышлявшая в XIX веке о внутренних *червяках* человеческой души.

Начало XX века развивает образ *червяка* как существа, которое легко раздавить ногой, даже не заметив этого. Мотивы неценности червячьей жизни, незаметности смерти фигурируют в первую очередь в текстах, посвященных событиям Первой мировой и Гражданской войн.

Из одиннадцати мертвых выполз один и пополз по земле, как полураздавленный червяк, волоча разбитую ногу. [П.Н. Краснов. От Двуглавого Орла к красному знамени (1922)]

Любопытное событие рубежа XIX и XX веков — стабилизация фразеологизма *заморить червячка*. Первые встречающиеся в Корпусе примеры этого фразеологизма относятся к середине XIX века, и до начала XX века он имел варианты: *заморить (морить) червяка (червячка)*:

— ...Эй, вы, котлет-то подайте мне скорей! а покуда, **чтоб заморить червяка**, дайте хоть две-три тартинки с чем-нибудь...
[И.И. Панаев. Опыт о хлыщах (1854–1857)]

Закусив так, как закусывает человек, у которого в перспективе богатый званный обед, то есть перехватив кое-что, чтобы, как говорится, **червячка заморить**, и выпив одну рюмочку водки, господин Голядкин уселся в креслах... [Ф.М. Достоевский. Двойник (1846)]

...Начинают уже роптать почтенные гости, — но... неловко, неприлично и даже непочтительно **морить червяка** до появления светила. [В.В. Крестовский. Панургово стадо. Ч. I–II. (1869)]

Начиная с XX века устанавливается единственный вариант для этой конструкции — **заморить червячка**:

— ...У нас тоже этот обычай, что и в России, перед обедом немного **заморить червячка**, раздразнить аппетит.

[Л.Н. Краснов. От Двуглавого Орла к красному знамени (1922)]

Не вполне ясно, что значит **заморить червяка**. Наиболее правдоподобным кажется, что **червяк** — это голод, изнутри сосущий человека (в соответствии с наиболее популярной в XIX веке метафорой мучительного внутреннего чувства). **Заморить**, согласно второму изданию «Словаря Академии Российской» (см.: [1814, т. III, с. 851]), значит 'приводить в истощение, изнувать'. Подразумевает ли фразеологизм **заморить червяка (червячка)**, что, немного поев, человек тем самым изнурует мучающего его **червяка** голода, избавляясь от него таким образом? Окончательного ответа у нас нет.

4.5. Вторая половина XX века

В отличие от XIX века, где метафорические значения группировались вокруг некоторых излюбленных образов, XX век не имеет фаворитов, и **червяк** метафоризируется по многим направлениям, при этом все прежние значения сохраняются, меняется только их количественное соотношение.

Значения 'внутренний паразит' и 'ничтожное создание' встречаются все реже и реже. Их слишком экспрессивная психологичность оказывается невостребованной в новом литературном веке. Зато получают распространение некоторые другие метафорические образы. Например, **червивый плод**, причем **червяком-паразитом** может быть человек:

Червяком в кудинкинском яблоке оказалась жена Люба. Они поженились, потому что были провинциалами — Кудинкин из Коврова, Люба из Чернигова — и в Москве чувствовали себя одиноко. [Ольга Некрасова. Платит последний (2000)]

Сходным образом, выражение *книжный* или *архивный червь* (*червяк*) предполагает, что *червяку* уподобляется человек, который погрузился в книги или в бумаги.

— Этот **книжный червяк** вполне мог оказаться подсадной уткой...
[Е.И. Парнов. Александрийская гемма (1990)]

Он начал излагать, как завзятый **архивный червяк**. [В.Г. Черкасов. Черный ящик (2000)]

Двадцатый век дает также жизнь техническому значению *червяка* — ‘зубчатое колесо в форме винта для передачи движения в некоторых механизмах’ (по «Словарю русского языка» С.И. Ожегова [2004]):

Самоиндукция катушки изменяется путем вращения ручки винтообразного **червяка**, скользящего по виткам проволоки, защищенной по линии касания **червяка** с витками катушки. [Радио Всем (1927. № 2)]

Пожалуй, наиболее заметным изменением является увеличение частотности «зоологических» контекстов: по сравнению с XIX веком, пишущий в XX веке значительно чаще обращает внимание на окружающих его *червяков*.

Я иду к ней и вижу — на кухонной тряпке лежит мокрый **червяк**. А я больше всего боюсь **червяков**. Она сказала: «Аля, если ты меня любишь, ты должна поднять этого **червя**». [А.С. Эфрон. Страницы воспоминаний (1955–1975)]

Проходя мимо куста смородины, смахнула **червяка** с ветки (все ягоды пожрали, ребенка кормить нечем! [И.Л. Муравьева. Филемон и Бавкида (1995)]

Но самая частая встреча человека с *червяком* — по-прежнему на рыбалке. Порой она весьма драматична:

Мужик рыбу ловит. Видит — поплавок стал подрагивать. «Рано подсекать, пусть заглотит», — думает мужик. Поплавок стал еще сильнее колебаться. «Рано, пусть наверняка заглотит», — думает мужик. Поплавок скрылся под воду, удочка — дугой. Мужик азартно подсекает и тащит удочку на себя. **Червяк** из воды вылетает и орет:

— Мужик, ты что, обалдел? Меня чуть рыбы не съели!

[Коллекция анекдотов: охотники и рыболовы (1970–2000)]

Этот анекдот — неплохая мораль для почти 300-летней истории отношений человека и его трагикомического *alter ego*: даже болтаясь на крючке, *червяк* требует для себя отдельной судьбы.

5. Соседи

У *червяка* нет ближе сородича, чем *червь*. Истории жизни этих существ обладают большим сходством, однако разница все-таки есть. *Червь* глубже и активнее вовлечен в библейские контексты и выросшие на их основе метафоры — «ничтожное создание» и «внутренний паразит».

Такая грудь есть покрывало, под коим кроется ядовитой совести червь, неусыпное души томление; такое сердце есть непристойных страстей убежище, такие члены на делание всякаго зла употреблены. [Архиепископ Платон (Лёвшин). Нравоучение седьмое (1757)]

Червь вообще — создание более серьезное, чем *червяк*. Именно он попадает в естественно-научную литературу:

Животные безобразные, одинакового вещества, не имеющие на теле своем прямо назначенных частей, ни головы, ни туловища, ни ног, называются червями. [В.Ф. Зуев. Извлечения из учебника «Начертание естественной истории» (1785)]

Но и в более бытовых контекстах *черви* значительно менее приятные твари, чем *червяки*: они подтачивают деревья, съедают урожай, нападают на скотину, заводятся в могилах и, само собой, изнутри пожирают человека.

Быстро все превращается в человеке; не успеешь оглянуться, как уже вырос внутри страшный червь, самовластно обративший к себе все жизненные соки. [Н.В. Гоголь. Мертвые души (1842)]

Особого исследования заслуживает форма множественного числа слова *червь*. Дело в том, что *черви* — это одновременно множественное число и для *червя*, и для *червяка*, поскольку вариант *червяки* употребляется редко. Сравнительную частотность употребления обеих форм можно увидеть на графике (см. рис. 3).

Гусеница — еще один довольно близкий родственник *червяка*. Более того, *червяк* выполнял обязанности *гусеницы* на протяжении практически всего XIX века. Корпусная жизнь *гусеницы* начинается примерно на полвека позже, чем жизнь нашего *червяка*, — в 1831 г. При этом научное понимание *гусеницы* как насекомого,

способного к превращению, сложилось намного раньше: «Личина насекомых, из яйца вылупляющаяся, имеющая вид червя, тихо ползающего до превращения своего в куколку» [Словарь Академии Российской, т. II, 1790, с. 436].

Распределение по годам (частота на миллион словоформ)

Слова или сочетания слов, через запятую черви, червяки

Годы с 1800 по 2010 со сглаживанием 5 построить

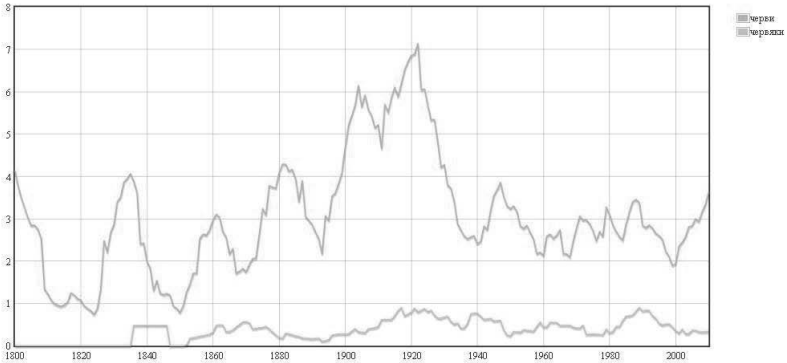

Рис. 3. Частотность употребления форм черви и червяки (именительный падеж единственного числа); НКРЯ, 1800–2000 гг. (в *wrt*)

Правда, гусеница приобрела техническое значение много раньше, чем червяк. Уже на рубеже XIX–XX веков гусеницей начали называть части военных машин:

Светлый горизонт, розоватый. Сухая наглаженная солома кое-где блестит на земле. На что похожи копны в поле? Обрывки цепи, гусеницы. Страстное желание (как всегда в хорошую погоду) ехать. Особенно на юг, на море, на купанье. 8 августа. [И.А. Бунин. Дневники (1911. 2 августа)]

Естественно, что в XX веке, с появлением большого корпуса текстов о войне, техническое значение стало очень популярным и численно могло поспорить даже с оригинальным — биологическим.

* * *

Мир, отраженный в языке, антропоцентричен: человек отсчитывает все явления от себя. Бытовые употребления слов, которые используются для описания природы, ни по значению, ни

по частотности не похожи на то, какими мы находим их в энциклопедиях и учебниках. История слова *червяк* — это история того, как смотрит на него человек. Где человек замечает *червяка*? Каким предстает *червяк* в его глазах? Что узнает человек о себе, разглядывая *червяка*?

© Тимохина Е.А., Добрушина Н.Р., 2016